

Михаил Веллер

Хочу в Париж

Часть сборника
Короткая проза (сборник)

Михаил Иосифович Веллер

Хочу в Париж

Серия «Короткая проза

(сборник рассказов)»

Серия «1. Фант.», книга 9

*Текст предоставлен издательством «АСТ»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=120136*

Аннотация

«Хотение в Париж бывает разное. На минуточку и навсегда, на экскурсию и на годик, служебное и самодеятельное, необоснованное и законное, неотвязное и мимолетное, всерьез и в шутку: „Я опять хочу в Париж. – А что, вы там уже были? – Нет, я уже когда-то хотел“. Всемирная столица искусств и мод, вкусов и развлечений, славы и гастрономии, парфюмерии и любви – о далекий, манящий, загадочная звезда, сказочный Париж, совсем не такой, как все остальные, обыкновенные и привычные, города...»

Содержание

* * *

4

Конец ознакомительного фрагмента.

14

Михаил Веллер

Хочу в Париж

Хотение в Париж бывает разное. На минуточку и навсегда, на экскурсию и на годик, служебное и самодеятельное, необоснованное и законное, неотвязное и мимолетное, всерьез и в шутку: «Я опять хочу в Париж. – А что, вы там уже были? – Нет, я уже когда-то хотел». Всемирная столица искусств и мод, вкусов и развлечений, славы и гастрономии, парфюмерии и любви – о далекий, манящий, загадочная звезда, сказочный Париж, совсем не такой, как все остальные, обыкновенные и привычные, города. Париж д'Артаньяна и Мегрэ, Наполеона и Пикассо, Людовиков и Брижит Бардо, Бельмондо, Шанель, Диор, Пляс Пигаль, Монмартр, бистро, мансарды... ах – Париж!.. Вдохнуть его воздух, пройти по улочкам, обмереть под Нотр-Дам, позавтракать луковым супом, перемигнуться с пикантной парижанкой, насладиться слух разноязыкой речью, кануть в вавилонские развлечения, кинуть франк бездомному художнику, растаять в магазинном изобилии, купить жареных каштанов у торговки, узнать вкус абсента и перно... ах – Париж! хрустальная мечта, магнетическое сияние, недосыгаемый иде-

ал всех городов, искус голодных душ. Вернуться и до конца дней вспоминать, рассказывать, где ты был и что ты видел – или рискнуть, преступить, сыграть с судьбой в русскую рулетку, остаться, слиться с его плотью, стать его частицей, – или гордо покорить, пройти сквозь нищету, подняться к сияющей славе, добиться всемирного успеха, денег, поклонения, репортеры, экипажи-скачки-рауты-вояжи, летняя вилла в Ницце, особняк на Елисейских полях... Один знаменитый весельчак-композитор поведал телезрителям, что весну он предпочитает проводить в Париже. Тонкая шутка не была понята: миллионы безвестных и рядовых тружеников дрогнули в возмущенной зависти к наглому счастливцу, ежегодно празднующему весну в Париже, где цветут каштаны и доступные женщины на берегах Сены под сенью Эйфелевой башни. Короче, кому ж неохота в Париж. А спроси его, что он в том Париже оставил? Побывать, походить, посмотреть... даже не обарахлиться, это и в Венгрии можно... а печально: жить, зная, что так до смерти и не увидишь его, единственный, неповторимый, легендарный, где жилали все знаменитости, и помнили, и вздыхали ностальгически: «Ну что, мой друг, свистишь, мешает жить Париж?». Неистребимая потребность, бесхитростная вера: есть, есть где-то все, чего ни возжаждаешь – красота, легкость, романтика, свобода, изобилие, приключение, слава; смешной символ красивой жизни – Париж. Боже мой, как невозможно представить, что из Свердловска до Парижа ближе, чем до Хабаровска.

Как невозможно представить, что там кто-то может так же просто жить, как в Конотопе или Могилеве.

Итак, в один прекрасный день Кореньков захотел в Париж.

В пятом классе Димка Кореньков посмотрел в кино «Трех мушкетеров». И – все.

Он вышел из зала шатаясь. Слепо бродил два часа. Вернулся к кинотеатру и встал в очередь.

Денег на билет не хватило. Помертвев, он двинулся домой и выклянчил у матери рубль, задыхаясь, понесся обратно: успел.

После девятого раза Париж стал для него реальнее окружающей скукоты.

Жизнь в городишке была небогатая. Пассажирский поезд проходил дважды в неделю. Местных хулиганов знали наперечет. Изредка заезжали областные артисты. Пробуждающаяся Димкина душа, неудовлетворенная обыденностью, оказалась затронута в заветной глубине.

Обрушился удар – фильм сняли с экрана. Димка горевал, пока не просияла надежда: он впервые отправился в библиотеку и взял «Три мушкетера». Ту ночь не спал: сидел в туалете их коммуналки и читал...

Вернуть книгу было выше его сил – он легче расстался бы с рукой. Почта принесла суровое извещение об уплате пятикратной стоимости. Отец отвесил Димке воспитующий подзатыльник. Такова была первая его жертва на тернистом

пути к мечте.

Познав наизусть «Трех мушкетеров», Димка обнаружил «Двадцать лет спустя» и «Виконта де Бражелона». Упоительно и безмерно счастлив, он погрузился в яркий и отважный мир Люксембургского дворца и Пре-о-Клер, где дамы мели шлейфами паркет, взмыленные кони с грохотом мчали кареты через горбатые мосты, и шпаги звенели и сверкали в лучах заходящего солнца. Его выдернули из грез, как рыбку из речки – четверть окончилась, он не успевал по всем предметам, грандиозный скандал разразился.

– Хотя что-нибудь ты знаешь? – скучно спросила классная, прикидывая втык от педсовета за Димкины успехи.

– Париж стоит мессы, – нахально выдал Димка. – Экую равняется трем ливрам, а пистоль – десяти!

Класс возопил триумф над племенем педагогов. Кличку «француз» Димка принял как посвящение в сан. Раньше он не выделялся ничем: ни силой, ни храбростью, ни умением драться, ни знаниями, ни умом, ни престижными родителями. В секцию его не приняли по хилости, кружки не интересовали, музыкальный слух отсутствовал. Париж придал ему индивидуальность, выделил из всех, и в любовь к Парижу он вложил все отпущенные природой крохи честолюбия и самоутверждения – это был его мир, здесь он не имел конкурентов.

Упрочивая репутацию и следуя течению событий, он потребовал в библиотеке слипшуюся «Историю Франции». На-

рабатывал осанку, гордое откидывание головы. Отрепетировал высокомерную усмешку. С герцогской этой усмешкой сообщал о невыполненных уроках, не снисходя до уловок. Учителя и родители, одолевая бешенство, списывали выкрутасы на трудности переходного возраста; вздыхали и строили планы воспитательной работы. Они ничего не понимали.

– Ты правда знаешь французский? – спросила Сухова, красавица Сухова, глядя непросто.

Французский в их дыре не звучал со времен наполеоновского нашествия; Димка зарылся в поиски и добыл учебник, траченный мышами и плесенью. Выламывал губы перед зеркальцем – ставил артикуляцию. И все реже отсиживал в школе, зато в нее все чаще вызывали отца.

Отец попомнил домострой и выдрал его с тщанием.

– Еще тронешь – сбегу, – прерывистым фальцетом пообещал Димка, когда экзекуция перешла в стадию словесную.

– Куда ты убежишь? – вскрикнула мать, вскинув полотенце.

– В Париж! – зло припечатал Димка. Серьезно.

«Во блажь очередная... Слетит». Блажь не слетала. Жизнь обрела стержень: Париж был интереснее, красивее, лучше дурной повседневной дребедени. Он уже знал Париж вернее собственного района: Версаль, Сен-Дени, Иври, Сите!.. Окружающее касалось его все меньше, плыло мимо, не колыhalo.

После восьмого класса школа с облегчением сбросила

бзикнутого в лоно ПТУ. И то сказать: хотение в Париж – это еще не профессия.

Годы в ПТУ не отяготили Димкино сознание. Он чего-то делал в мастерских, чего-то слушал в классах, а на самом деле хотел в Париж. Хотение начало давать результаты, пока как бы промежуточные: с ним считалась прекрасная половина училища – он досконально знал, что носят в Париже. Неведомыми путями приплывал каталог мод, сиял глянцем, вгонял в пот провинциальных портняжек, не чаявших обшивать маркизов и виконтов. В конце концов сермяжную продукцию родной областной фабрики взялись перешивать ему две девочки в обмен на консультации. «Так носят в Париже», – снисходительно ронял он местным денди в клешах с жестяными пряжками.

На каникулах он приобрел в областном центре пластинки с уроками французского, пылившиеся там с одна тысяча девятьсот незапамятного года. Гонял их до ошизения на найдешевейшем проигрывателе «Юность», шлифуя произношение.

Поскольку французы предпочитают пить красное вино, он предпочитал исключительно его серьезному мужскому напиту водке. Запив в парадняке красным рагу и паштет, приготовленные матерью по списанному рецепту, он чувствовал, что вкусил сегодня вполне французскую трапезу.

Сложнее оказалось с луковым супом. «Книга о вкусной и здоровой пище» рецепта не давала. Димка сам разварил

лук в лохмотья, бухнул в мутную водичку поболее соли, перца и лаврового листа (французская кухня острая) и через силу выхлебал ложкой; прочие домочадцы, отведав и сплюнув, от деликатеса мягко отказались.

Апофеозом гастрономических изысков явилась варка лягушек. Нацапав в болоте десяток квакух, Димка улучил час, когда дома никого не было, и приволок добычу на кухню. Не будучи дилетантом, он знал, что едят только задние лапки, с дрожью отделил их и разместил в суповой кастрюле, помолившись, чтоб мать не узнала. Определив готовность, скомандовал себе: «Пора!» – и действительно сунул в рот маленькую, похожую на цыплячью, лапку и сжал челюсти, но тут здоровый русский организм воспротивился насилию над своей природой, желудок лягушек отверг; Димка отпился холодной водичкой и помыл в кухне пол. И еще долго стыдился своего тайного позора.

Зато с девушками он в свой срок сделался свободен и даже развязен. Атмосфера Парижа фривольна, парижанин живет легкой и игристой, как шампанское, любовью: тонкий флирт, мимолетная измена, элегантный роман. Обычно Димкины избранницы не могли вот так сразу настроиться на парижский лад, иногда отказ происходил в форме категорической и грубой, он насмешливо утешался их глухим провинциализмом: «Да, это не Париж». Но и когда его пылкая страсть была разделяема – он оставался недоволен. Где талия, тонкая, как у цветка? Где грудь, упругая, как резиновый мяч?

где шаловливый задор, прикушенная губка? И где, наконец, неземное блаженство? А тайная белая пена кружев тончайшего белья? Вот уж по части белья местные Манон были столь же бессильны, сколь невиновны, облекая свои юные прелести в стеганую холстину с желтыми костяными пуговицами и байку с начесом... горький осадок не исчезал.

Может составить впечатление, что он был каким-то ма-
няком, параноиком. Да нет, он был в общем совершенно
обычным парнем, ну просто он хотел в Париж, хотеть ведь
никому не запрещено. У каждого свое хобби, или свой та-
ракан в голове, как сказали бы англичане. Ну, с легким при-
бабом, бывает. Он бы и поехал в Париж, да понятия не
имел, с какого конца за это дело взяться. Иностранец бы-
ло словом ругательным, политическим ярлыком. За границу
уезжали дипломаты или предатели. Но не одни же диплома-
ты и предатели за границу населяют. У него не было ника-
ких конфликтов с Родиной, никаких несогласий, он был за
социализм – он ведь и в Париж-то хотел не навсегда, а так,
посмотреть, пожить немного, ну от силы года два; но кому и
как это объяснишь?..

А фанерная этажерка заполнялась книгами о Париже. С
закрытыми глазами он мог бы пройти из пятого арандисма-
на в четырнадцатый. Он высчитал количество шагов от Лув-
ра до «Ротонды», принимая длину шага равной семидесяти
сантиметрам. В нем родилось знакомое некоторым чувство:
он словно вспоминал о Париже, хотя там не был. Однажды

он с пронзительной достоверностью почувствовал себя парижанином, неведомо как заброшенным в этот дальний глухой угол.

В армии, слава богу, из него эту дурь подвыбили. Напомнили об империализме, колониализме, ненужно большой армии, кстати, позорно разбитой в восемьсот двенадцатом году, интервенции, безработице, проституции и эксплуатации. Рядовой Кореньков (молодой-необученный, салажня, еще варезку разевает!) пытался проповедовать насчет Сопротивления, Жанны Лябурб, Марата и голубки Пикассо, но первейшие доблести солдата есть дисциплина и выполнение приказа, направление мыслей беспрекословное, налево кру-гом. И для укрепления правильного направления мыслей лепили наряды.

Мысли Димкины направления не изменили, но что под-развелялось, что упряталось поглубже: солдат вышел исправный. Французский стал подзабываться, так ведь и по-русски к отбою язык заплетается.

Перед дембелем подсекло: выяснилось, что он знаком с военной техникой и прочими секретными вещами, и теперь на нем пять лет карантина – без права поездок за границу.

– Ты что, Кореньков, за границу, что ли, собрался? – удивился замполит его реакции на известие.

– Никак нет, – заготовленно соврал Димка: – Хотел учиться в институте на переводчика.

– О? Пока выучишься – время и пройдет!

Дома Димка отдохнул месяц и затосковал. Когда тебе двадцать, пять лет – срок бесконечный... Да эх, еще не старость. Прочитал объявление о наборе и сорвался в областной центр: все ж фабрика, институт, – цивилизация. А там обвыкся, перевез в общагу свои книжки и пластинки и терпеливо принялся за старое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.